

ИСТОРИЯ ИМЕНИ И ИМЯ ИСТОРИИ
(на базе лексем-номинантов концептов
немецкого языка „GESCHICHTE“ и „NAME“)

Предмет аналітичного дослідження у представленій статті фокусується на встановленні семантичного взаємозв'язку двох концептуальних просторів, які номінуються у німецькій мові лексемами „Name“ і „Geschichte“. Загальновідомо, що поняття є представниками світу ідей, набувають у процесі лексикалізації калейдоскопічні відносини та модифікації, які продиктовані прагматичними перевагами. Ця вихідна позиція визначає у процесі дослідження необхідність дотримання принципу композиційності семантичного опису, а відповідно і множинний процедурний підхід для опису заданих ментальних одиниць. Занурення в інтерпретаційний семантичний простір досліджуваних одиниць здійснюється за допомогою етимологічних джерел, дефініційного аналізу і функціонально-граматичних характеристик, що дозволяє охопити альтернативні змістові мотиви зв'язки в органічному житті лексем, інструменталізувати їх транспарентні внутрішньомовні відносини. У ході проведеного дослідження з історико-етимологічних позицій виявляється семантична схожість у мотивах номінацій, здійснюється огляд детерміністичних властивостей досліджуваних понять та встановлюється їх функціональна кореляція на сучасному етапі розвитку німецької мови. Синтаксична життєдіяльність лексем у якості корелятивів посесивних та каузативних відносин демонструє принцип споживчого застосування мовного знака в межах антропоцентричної парадигми. Коло перспективних напрямків теоретичних та практичних пошукових інтенцій окреслюється віковою, професійною, науковою й індивідуальною специфікою проаналізованих у пілотному дослідженні з позицій семантичного аналізу понять.

Ключові слова: концепт, лексема, етимологічний аналіз, дефініційний аналіз, каузативність, посесивність, функціонально-граматична категорія.

Актуальность семантико-когнитивного анализа языковых явлений не вызывает на современном этапе каких-либо сомнений. Однако, как справедливо отмечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, данный метод охватывает самые разнообразные подходы [6, с. 3]. При этом в поле освещения, как правило, попадает лишь часть концепта, т.к. концепт (1) является объемной нежестко структурированной ментальной единицей, (2) имеет всегда невербализованную часть содержания, (3) характеризуется возрастной, профессиональной, гендерной, индивидуальной составляющими, полный объем реализации которых не всегда имеет место, (4) выступает динамической величиной, зависящей от общественной ситуации, (5) не находит полной фиксации средствами языковой и речевой репрезентации, т.е. что-то всегда остается непознанным [6, с. 114].

Для объективного исследования отправной точкой следует избирать принцип множественности и дополнительности метаязыкового описания ментальных единиц [6, с. 4-5]. Такая точка зрения искушает (а) подвергнуть анализу определение понятийных границ частотных в своем употреблении лексем, номинирующих разные на первый взгляд концепты „Geschichte/история“ и „Name/имя“, а также (б) отыскать точку/-ки пересечения исследуемых двух концептуальных пространств, взаимодействие которых оказывается согласованным. Следовательно, в фокус предмета исследования попадает помимо дефиниционного и этимологического анализа коммуникативное применение данных понятий согласно их грамматической специфики.

Первичный этап сравнительного анализа статей толкового словаря высвечивает основополагающие позиции для обоих понятий (тут и далее подчеркнута нами): история/Geschichte „1. a) <ohne Plural> politische, gesellschaftliche, kulturelle Entwicklung eines bestimmten geografischen, kulturellen Bereichs und die dabei entstehende Folge von Ereignissen; b) wissenschaftliche Darstellung einer historischen Entwicklung; 2. mündliche oder schriftliche Schilderung eines tatsächlichen oder erdachten Geschehens, Ereignisses o. Ä.; 3. (ugs.) [unangenehme] Angelegenheit, Sache“ предстаёт как развитие событий, их (научное, письменное/устное) представление или как случай, предмет; имя/Name „1. besondere Benennung eines einzelnen Wesens oder Dinges, durch die es von ähnlichen Wesen oder Dingen unterschieden wird; 2. Wort, mit dem etwas als Vertreter einer Art, Gattung benannt wird; 3. mit einem gewissen Ansehen verbundener Bekanntheitsgrad“ подразумевает особую словесность, отличающую от подобных предметов, т.е. индивидуализирующую (имя собственное), номинацию представителя конкретного вида, рода, т.е. систематизирующую (имя нарицательное), с определенной степенью уважения и известности [11, с. 433, 671-672].

Заметим сразу, что очередность значений „имя собственное“ и/или „имя нарицательное“ варьирует у одного и того же автора: Name „1. Bezeichnung, Wort, mit dem etwas als [Vertreter einer] Art, Gattung von gleichartigen Gegenständen, Lebewesen o. Ä. benannt wird; Gattungsname, Appellativ; 2.a. kennzeichnende Benennung eines Einzelwesens, Ortes oder Dinges, durch die es von anderen seiner Art unterschieden wird; Eigenname; b. Ruf, Renommee“ [13]. Однако предметная семантика, позволившая объединить в контрастивном исследовании оба понятия, свидетельствует об их принадлежности миру человеческой когниции, где в качестве ментальных единиц они подверглись трансформативным процессам и выстроили в сознании информационные блоки комплексной природы, что характерно в целом для эволюционного развития когнитивного пространства человеческой мысли [6, с. 23 – 27].

Этимологический анализ раскрывает восхождение имени/Name к *ie. *en(o)men-, *nomen-* „Name“ <germ. *naman- < got. *namō*, *ahd. namo* (8 стл), *lat. nōmen*, *griech. óнома* (ὄνομα), *aslaw. imę*, *russ. имя* [17, с. 267]. Изменения в корневой основе гласного высвечивают претерпевание словом различных форм аблаута, что, в частности, отобразилось и в производной от существительного основе глагола в западногерманском **nōm-* от *mhd. benuomen* „namhaft machen“, *ndl. noemen* „nennen“, *ahd. nemmen* (8 стл.), *nennen* (9 стл.), *mhd. nemmen, nennen* „einen Namen geben, mit Namen nennen, festsetzen, bestimmen“ [17, с. 269].

В ретроспективе этимологических гипотез исследователями упоминаются две версии: одна выстраивается вокруг корня *ie. nem-* „zuteilen, nehmen“ > *nehmen*, с которым связаны также в (вне)германских значения „aus-, ver-, ordnungsgemäß zuteilen, lenken, leiten, verwalten, sich aneignen, besitzen, bebauen, Weideland zuteilen, (ab)weiden, verzehren“ (от представления протянутых рук, процесса брать что-л. руками), где имя является „Angenommenes“; другая демонстрирует возможность связи западноевропейского варианта по аблауту с *idg. gnō-* „erkennen“, т.е. *idg. *nomen- < *gnōmen*, первоначально „Erkennungsmittel“ [см. выше]. Т.о. имя выполняло функцию условно принятого средства узнавания (гипотетического объекта).

Следуя гипотезам раскрываются следующие позиции: (1) *nennen* как отыменной глагол ((germ. **namnjan*) got. *namnjan*, *asächs. nemnian*) был образован, как видно, с помощью суффикса *-jan-* (!ср. корень *ind. *jan* (презент), *jñā, jāñāmi, jajñāu* (претеритум) (*jñāta* партицип) „kennen“), принадлежал к слабому типу (с дентальным суффиксом), что характерно было для общегерманской системы глагольных модификаций, где *-j-* исчезал, а корневой гласный получал по возможности умлаут; (2) *altgerm. kannjan* выступил фактитивом относительно формы единственного числа настоящего времени *altgerm. kann* претерито-презентного глагола *kunnan* „wissen, geistig vermögen, verstehen“, что объясняет двойственное значение в got. *kannjan* „bekannt machen“, причем непрямое слово уступало по степени распространения в средне- и древневерхненемецком грамматикализированным видовым противопоставлениям с префиксами: (а) *ahd. bikennen*, *mhd. bekennen* „kennen, erkennen“, (б) *ahd. irkennen*, *mhd. erkennen* „(er)kennen, wahrnehmen,

geistig erfassen“, в правовом языке с 13 стл. „ein Urteil fällen, entscheiden“ и допускавшими также и рефлексивные варианты со значением „zur Erkenntnis kommen, wissen machen“ [17, с. 192, 209, 269].

Если рефлексивность упомянутых видовых вариаций kennen раскрывает с диахронических позиций отношение возвратности действия, когда предполагалась тождественность субъекта и объекта в процессе познавательного взаимодействия с окружающим миром, что выступило неустойчивым (см. далее), то в ходе анализа дальнейших иллюстраций частично совпадающих в своих валентных признаках (см. ниже) kennen и nennen фиксируется семантическое разграничение в обозначении непосредственного достижения обозначенного глагольной основой состояния и побуждения определенного состояния.

При каузации первоисточником изменений является, как известно, субъект, участие которого предполагает осуществление каузируемой ситуации. Помимо семы воздействия к основным отличительным семантическим признакам каузативных глаголов Е. А. Дадуева относит объектность, семы причинности и следствия [3, с. 80]. Заметим, что объектная направленность рассматриваемого nennen акцентирует сильную позицию правосторонней валентности, а левосторонне располагающиеся причинно-следственные отношения resultieren в переходе объекта в новое состояние, приписываемое ему действием: Er nennt seinen Namen, где имя становится известным другому. В отличие от семантической малоинформативности личного местоимения, определяющего посредством контекстуальной зависимости тематичность подлежащего, сказуемый характер личного глагола задает рему высказывания, степень которой возрастает за счет зависимых элементов именной природы, т.е. он уподобляется центробежному центру тема-рематической структуры предложения [16, с. 21, далее с. 416, 378]:

I nennen (bezeichnen)	III kennen (wissen)
1. Der Lehrer/ die Polizei nennt ihn einen Faulpelz.	1. Mein Freund/der Hund kennt den Weg.
2. Der Vertrag nennt das Lärmen unzuverlässig. Das Denkmal nennt den Gelehrten einen Wohltäter der Menschheit.	
2. Er nennt den Mann seinen Bruder/die Akademie eine wissenschaftliche Institution/sein Singen ein Brummen/das Kind den wertvollsten Besitz/ Das nenne ich arbeiten/Wasser in den Rhein schütteln.	2. Er kennt die Frau/das Tier/das Ministerium/das Denkmal/die Aufführung/das Kegeln.
3. Er nennt seinen Freund faul.	
II nennen (erwähnen, mitteilen)	IV kennen (haben)
1. Der Lehrer /die Regierung/der Beschluß nennt die nächsten Aufgaben.	1. Das Entzücken kennt keine Grenzen Das Kegeln kennt keine genauen Regeln.
2. Der Student nennt den Forscher.	2. Das Vertrauen kennt Grenzen.
3. Er nennt dem Professor/ der Kommission die Formel.	

В ходе сравнения валентностного потенциала двух глаголов устанавливается:

(а) в качестве актанта 1, т.е. субъекта предикации, способны выступать одушевленные существительные, собирательные относительно одушевленных коллективы (!негомогенность с kennen, демонстрирующим структуры с представителями животного мира (III.1)); административные постановления, памятники с надписями (!продукты человеческой

(речевой) деятельности: I.2; II.1) являются нерегулярными, что акцентируют Г. Хельбиг и В. Шенкель, а в случае с *kennen* участие абстрактных неживых ограничено семантикой второго значения (IV.1)) [16, с. 416-417]. Т.о. глагол *nennen* демонстрирует неотторжимость принадлежности к глагольной семантике активности человеческой природы, являет собой пример социолингвистически яркой индивидуальности семантического актанта 1 (!каузатив интерперсональной семантики);

(б) левостороннее дополнение не получает селективных ограничений, допускает среди именных членов синтаксических актанта инфинитивные глагольные формы как статические состояния или целые группы в качестве объектных предикативов, способных при трансформировании структуры в пассивный залог перейти в синтаксическое подлежащее: *Er/sein Singen wird ein Faulpelz/ein Brummen genannt*. Т.о. каноническое прямое дополнение, участвуя в преобразовании синтаксических актанта, демонстрирует имперсонализацию (нулевой агенс), т.е. грамматическую гибкость в нейтрализации субъекта действия с точки зрения прагматики описываемой ситуации;

(в) в левосторонней конфигурации фиксируются две модели: (1) возможность уравнивания глагольных актанта в качестве прямого дополнения в аккумулятиве при апеллировании к одному референту (I.1,2): зависимая стратегия в клаузе не получает дополнительных показателей падежа актанта, а глагол не несет специальных маркеров наличия зависимых, при этом селекция в I.2 традиционно восходит к тождественным категориям Sa1 и Sa2, последний в предикативной функции допускает семантику абстрактности; (2) один из аккумулятив-объектов позиционно опускается (I.3;II.1,2), т.е. в переходной диатезе возможно сужение первичной проекции до прямого дополнения как необходимого компонента значения сказуемого (SPO – ономаσιологическая база структуры), позиция которого в событийной структуре сдвигается при расширении с непосредственной постпозиции относительно предиката в отдаленную к нему зону вследствие несимметричности объектов (!фактитив *kennen* ограничен двухвалентностью): дополнение, указывающее на реципиента как целевого участника события синтаксически предшествует прямому дополнению и является внешним (II.3), т.н. экстратематическим аргументом в терминологии Шибатани [18].

Наблюдаемое расщепление структуры дополнения на датив-объект и аккумулятив-объект (II.3), по мнению Г. Хельбига и Й. Буша, погружает нас в ситуацию двойственности интерпретации, где (1) комиссия выступает адресатом действия (датив-объект: *Er nennt die Formel an die Kommission*); (2) комиссия является лицом, в чьих интересах называется объект (свободный датив: *Er nennt die Formel für die Kommission*) [15, с. 493, 260]. Замещение предложными группами показывает, что субъект ситуации восприятия (экспериментер) выступает лицом, в пользу/ущерб которого совершается действие, выражаемое глаголом, т.е. *Dativus sympathicus /commodi/ des Nutzens*. В ситуации интерперсонального взаимодействия и вовлечения участника, выраженного датив-объектом, Шибатани акцентирует *adversity reading* [18]. Реализацию дополнительных оттенков интеракции между несколькими лицами пролонгирует возможность грамматического расхождения между реальным агенсом (синтаксически дополнение) и носителем интенции (синтаксически подлежащее): *Мать заставила ребенка назвать адрес/Die Mutter lässt das Kind die Adresse nennen*, где событие является результатом воздействия некоторой ситуации ((без)личной) на агента действия/состояния.

Рассмотренная интерпретационная деривация (а) иллюстрирует допустимость семантического наращивания структуры предложения (относительно акционального признака *nennen*), раскрывая прямую и манипулятивную стороны каузации, речевую обусловленность самой ситуации каузирования, (б) характеризует явление каузативности как связующего звена между двумя функционально-семантическими сферами глагольной семантики: действия и состояния (!квалитативного вследствие переключения речевой деятельности на умственную активность).

Возможность присоединения прямого дополнения, объединившая *kennen* и *nennen* в группе переходных глаголов, открывает, согласно концепции А. Д. Кошелева, разнообразные

виды перспектив: (а) экстралингвистическую относительно видовых вариаций объектов и их изменений, различных по своей величине, степени волитивности субъекта действия, (б) интралингвистическую относительно генетического сходства грамматического и лексического значений рассматриваемых глаголов [5, с. 26-28]. Исходя из комплексности основного значения глагольной переходности: Прототип: Агенса осуществляет видимое действие В КОНТАКТЕ с прямым объектом, с которым синхронно происходят видимые изменения—Ядро: Агенса осуществляет действие, ПОЭТОМУ с прямым объектом синхронно происходят существенные для Агенса изменения, являющиеся его целью, автор концепции доказывает отнесенность данного феномена к классу сенсорных единиц [см. выше].

Наряду с выше сказанным внимание в спектре субъектно-объектного отношения обращает на себя семантическое свойство посессивности, синхронизирующееся в предикативной зоне со значением *haben* (IV *kennen*), что эксплицирует (а) признак обладания объектом динамическим, ограниченным во временной протяженности, (б) принадлежность объекта субъекту или отчуждаемость от него коммуникативно обусловленными семантикой посессума и посессивного отношения, их зависимость от синтаксической выраженности внешней и/или внутренней посессивности, вследствие чего возможен асимметричный контроль со стороны обоих партиципантов.

Подвижность границ (не)отчуждаемости приобретает в условиях пересечения интересубъектной и межсобытийной каузации тактическую ценность и достигается, как известно, в немецкой системе посессивности помимо предикативного пути прономинальными и приименными конструкциями, в структурах которых собственные имена ведут себя морфосинтаксически иначе в сравнении с апеллятивами (на примере однокоренного *Name/имя*):

1. *der Name Adams*
2. *der Name von Adam*
3. *Adams Name*
4. *der Name des Kollegen*
5. *der Name von dem Kollegen*
6. *des Kollegen Name*

В ходе анализа иллюстраций выясняется, что для собственных имен в стилистически нейтральной форме возможна препозиция имени относительно посессума в форме генитива (см. 3, если для антропонимов возможны ограничения вследствие их длины, графофонетической специфики и зависимости от регистра общения, то для топонимов этот случай достаточно типичен; случай 1 для антропонимов атипичен (!синхронизация с фамилией)), для апеллятивов же рассматриваемая конструкция приобретает анахронический эффект (б); предложная конструкция с *von* представляется синонимичной (2; 5).

Линеаризация внутри посессивных конструкций с апеллятивом несет опционально иррелевантность семантических свойств посессора, т.е. возможны сочетания с представителями животного и предметного мира, существительными абстрактной семантики (*des Hundes, des Tisches, der Liebe*), что иллюстрирует (а) открытость валентных отношений номинативной единицы, допускающей развитие своей (!качественной) семантики (через атрибут в форме прилагательного и/или предложных групп); (б) функционирование „имени“ в качестве связующего реляционного концепта, состоящего в некоем пространственном и временном отношении к посессору.

Из выше сказанного явствует приобретение семантикой посессивности обобщенного характера, в контексте чего глагольное ответвление получило непрозрачность посессивного значения и представляет фазисную модификацию относительно основной модели обладания в рамках фактитивной результативности. Примечательно, что относительность с точки зрения обладания объектом развивается и релятивностью контролируемости ситуации (см. выше и далее). В форме рефлексивного каузатива наблюдаем каузативную перемежаемость, затемняющую внешний агенса: *Sie nennen/kennen sich Freunde/seit vielen Jahren*. В результате отсутствия отдельного от основного субъекта агентивного участника показатели рефлексива

совпадают с показателями декаузатива, а таксономический тип такой ситуации представляет неконтролируемость. Из наблюдаемого явления вытекает необходимость дополнения ядерных признаков каузатора, выделяемых С. В. Шустовой, а именно: активности, волевитивности, инициативности (сопровождение волеизъявления речевым актом) [9] характеристиками по типу изменений, происходящих с субъектом действия самим на основе залогового значения глагола-сказуемого, предложенными А.Д. Кошелевым: актив отображает независимые, пассив – зависимые, а в случае рефлексива – независимые и зависимые изменения, происходящие одновременно с субъектом [5, с. 28]. Таким образом, высвечивается двойная перспектива зависимости антропологического агенса: как от самого себя, себе подобных, так и от внешних факторов, что невольно напоминает сцену с Берлиозом на Патриарших [1, с. 13-14].

Действие „nennen“, которым человек обнаружил себя в ходе истории через признак „постоянного его производителя“ [4, с. 108-109], не просто трансформировалось в перманентное свойство субъекта (см. выше и ниже), но и развило свой статальный декаузативный вариант относительно самого себя, который сохраняет компонент актуальности состояния. „Быть названным, т.е. иметь имя“ как характеристика вневременного состояния, отнесенная к ситуации, происходившей в прошлом, и соотнесенная с настоящим моментом, допускает свое сообразование с конструкцией *ahd. uuesan+ V-PP*, выражавшей первоначально результативное состояние законченного действия и приобретающей со временем вследствие композициональности структуры перфективно-презентную семантику [14, с. 8, 13-14, 148].

Такой пассивный оттенок абсорбировали первоначально *got. haitan „nennen, rufen“* → *aengl. hātan „befehlen, heißen, verheißen, nennen“* (*hätte „ich heiße/ich hieß“*) → *ahd. heizan „auffordern, befehlen; sagen; (be)nennen, (mit Namen) (her)rufen“* (8 стл.), возникшие на основе частичной фонеморфологической редупликации и явившие в германских *d*-продолжение (*anord. heita „nennen, rufen, heißen, versprechen“, schwed. heta „heißen“*) корня *ie. *kēi-[d]* „in Bewegung setzen, in Bewegung sein“ [17, с. 163; 14, с. 258]. Хабитуальная семантика, впитавшая движение, обусловила кратно-пассивное значение глагола, что нашло отображение в современной интерпретации *heißen „genannt werden, den Namen haben, gebieten, einen bestimmten Sinn haben, bedeuten“*, причем глагол (1) редко употребим в значениях „*auffordern, befehlen, nennen*“ [см. выше; 16, с. 417-418]; (2) частотен в значениях (а) „*einen Namen tragen*“, где двухсторонняя валентность не получает при дейктическом описании селективных ограничений, лишь конгруэнцию в семантических категориях актанта 1 и 2 [подробнее см. 16, с. 418], (б) „*es bedeutet, wird gesagt* (3.P.Sg. Neutr.)“, где неопределенные местоимения *es* и *das/was* передают разные оттенки глагола (*das/was= „bedeuten“, es= „man behauptet; es wird gesagt; es geht das Gerücht“*) в комбинации с *dass*-предложениями [см. выше]. Т.о. устанавливается валентностная открытость относительно (1) мира, подвергшегося номинированию, (2) самого субъекта агентивности, когда эффект псевдо-пассивности субъекта в безличном пассиве вскрывает соактивность некоего коллектива, т.е. ролевое тождество участников в общественном процессе номинации нивелировало их физическую разницу.

Внимание привлекают тут два факта: (1) с позиции психологии вспоминается эффект Рингельмана [8, с. 431-433]: чем больше группа, тем большую пассивность свойственно проявлять индивиду (!ср. разнообразные трансформации агенса выше и возникновение отличной формы каузативного результата), что приобретает особое значение с точки зрения глоттогенеза и онтолингвистики; (2) коллектив, со структурой которого субъект связан социальными отношениями, симулирует ситуацию активности своим исторически уникальным путем „этнокаузологии“ в терминах А. Вежбицкой [2, с. 176] – отличающимся в своей основе глаголом (ср. русс. называть и кратно-пассивно-возвратный называться, где постфикс *-ся* передает зависимое изменение субъекта), что немаловажно при оценке степени родства языков, в частности по их базовому устойчивому словарю, известному благодаря

работам Морриса Сводеша, чей список представлен широкому кругу в Википедии (ср. имя – позиция 100, знать – позиция 59).

Из представленной этимологической справки следует, что heißen объединил в своей семантике и устаревающую сегодня транзитивность, передающую парность изменений и объекта, и субъекта действия (!прозрачность валентностной синонимии с *neppen* затемняется), а также непереходность, реализующую одинарное изменение только последнего. Следовательно, можно предположить, что в синтаксификации семантических отношений глаголов раскрывается перспектива как коллективной, так и индивидуальной адаптации к окружающей действительности (взять хотя бы чередование активности и пассивности, развивающейся возможности становится нереперентным), ведь способность различать пару последовательных движений/изменений, связанных причинно-следственным отношением, появляется и совершенствуется у представителя человеческого рода уже с рождения и является видоспецифической [5, с. 28].

Биоритм коллективного сосуществования задал *ie. *(s)kek->germ. skeh „springen, lebhafte Bewegung“>got. skêwjan „gehen“*, глагольная ветвь которого получила впоследствии префикс *ge-*, функционирующий продуктивно (в качестве морфологического элемента и существительных, и прилагательных, и глаголов уже в давние времена) и выступивший тут проклитически в значении „Zusammensein, Zusammengehörigkeit, Vereinigung, Vollständigkeit“ [10, с. 199-200; 17, с. 136, 130, 321]. Новообразованный от коренного *ahd. skehan „umherstreifen, eilen“* (9 стл.), *mhd. schehen „jagen, rennen, eilen“* глагол выступил, как пишет Ф. Клуге, специфически немецкой лексемой, основа которой получила позже лишь только в немецком *-ti* для абстрактного *ahd. giskiht* (1000), *mhd. geschiht „Geschehen, Ereignis, Zufall, Umstände“*, *mhd. auch „(göttliche) Schickung, Folge der Ereignisse, Angelegenheit, Eigenschaft, Art und Weise“* [см. выше].

В историческом обозрении отглагольного существительного привлекательны и следующие моменты: (1) вследствие затерянности этимологических следов *germ. *skipa-* следует упомянуть *ahd. skif, skef „Wasserfahrzeug, Faß, Gefäß“* (8 стл.), *mhd. schif. schef, asächs. skip, mnd. schip, schep, aengl. scip, anord. skip, got. skip*, где на основе лабиализации *ie. *skēib->ie. *skēi-* „schneiden, trennen, scheiden“ возможно имело место совпадение звукового образа с формой отглагольного существительного *Schicht „horizontale (Gesteins)lage, Überzug, zeitliches Pensum des Arbeitstages, alle in einem bestimmten Zeitabschnitt Arbeitenden, Gruppe von Menschen mit gleicher oder ähnlicher beruflicher Tätigkeit“* (> *mhd. (md.) schihten „abteilen, einteilen, in eine bestimmte Ordnung bringen, trennen“*, *mnd. schichten, mnd. schiften „teilend ordnen, tätig sein, ins Werk setzen“*), восходящей к производственному времени горняков, работавших в многослойных породах земли: *mhd. (md.) schiht, mnd. schicht(e) „(An)ordnung, Einteilung, Reihe an- und übereinandergelegter Dinge, Gesteins- oder Erdarten, Zeit, die zum Abbau einer Gesteinsschicht erforderlich ist, Arbeitspensum, -frist, Ende des Tagwerks“*; (2) грамматический род существующих двух формативов *mhd geschicht(e)* еще в 13 стл. колебался: средний (*mhd. (md.) geschicht(e)*) и женский (*mhd. geschiht*), из формы множественного числа *coih Geschichten „denkwürdige, sich auf einen Gegenstand, Ort, ein Land, Volk, eine Person beziehende Ereignisse“* (14 стл.) развилась форма единственного числа женского рода *Geschichte* (17 стл.), абсорбировавшая с развитием книгопечатания значение „Erzählung über Geschehenes“ и ставшая основой научного осмысления понятия в работах И. Канта, И. Гердера, т.е. „Wissenschaft von Geschehenem“ [10, с. 214-215, 602; 17, с. 136, 321-323].

Как видно, адаптация во времени происходила организованно всем коллективным сообществом, в режиме повседневной (умственной и физической) работы, когда принципы упорядочивания времени жизни индивида подчинись жизненному укладу коллектива. Переплетенную нить индивидуальных и коллективных следов „история“ „смаывает в клубок“ своей структуры посессивных отношений, подобных представленной выше схеме „имени“ и устанавливая тем самым свою принадлежность к классу релятивных понятий как опосредованных, вытекающих из других и посредством сопутствующих, находящихся во

взаимосвязи, т.е. зависимых, неавтономных (!интерконцептуальность – неограниченность в классе посессоров).

Взгляд на релятивность как совокупную систему предикативных зарядов значений, между которыми устанавливается определенный фазовый переход к продуцированию устойчивой смысловой связи, и как сам процесс перехода от семантической единицы к контекстуальному значению позволил Т. Н. Скоковой инструментализировать это понятие в качестве продукта познания и одновременно инструмента познания, т.е. вынести его как смыслообразующую категорию лингвокогнитивистики [7]. В русле такой интерпретации релятивизируются и имя, и жизненная история самого субъекта номинации и предикации, начиная с первичных документов регистрации его жизни и простираясь до традиции именовать населенные пункты, улицы, общественные учреждения, организации в честь значимых для коллектива деятелей.

Так почему же в устах Фауста Гете имя лишь звук и дым, столь тленно: „Name ist Schall und Rauch“ [12, с. 525]?. Кого же индивидуализирует имя: само себя, отдельного человека, коллектив, а может их общую историю? Что это: (1) произвольная конвенциональность и имени, и истории в качестве языковых записей и текстовых формулировок, тогда как сам акт познания уводит своими корнями к гармоничной относительности личного и коллективного знания, пытаюсь упорядочить ход истории в ее целостности или это (2) присущее человеку стремление поиска спасения в самих себе (вспомнить хотя бы топонимы и антропонимы), инстинктивная природа которого помогла и помогает ему выживать в сложных условиях внешней среды с осознанно выбранной помощью имени как знака памяти?

Поиск ответа на вопрос побуждает к дальнейшим исследованиям взаимосвязи „слова“ и „истории“, раскрытию их возрастной, профессиональной и индивидуальной специфики для установления их объективной значимости. Осуществленное исследование способствовало осознанию исторической ценности исследуемых ментальных образований, позволило установить их детерминистическую функциональную синхронность в современном тезаурусе носителей языка.

Резюмировать краткий „путевой“ очерк контрастивного исследования помогут факты: (I) и „имя“, и „история“ впитали в себя семантику движения, ставшую причастной к построению их релятивных отношений в структурах речи, (II) судьба „имени“ обогатила „историю“ (1) увлекательной ассимиляцией *mn* (см. выше *nennen*), (2) исключительностью в древних вариантах языка духовного значения основы *kann* (Sg)/*kunn* (PL. <got. *kunnum*<got. *kunpan*) и ее связью с германскими **knê*, **knô* и индоевропейскими *gen: gnô*, что позволило (а) окунуться в целостность восприятия, подобного свернутому мышлению, синтезирующему и опредмечивающему чувственность перцепции, ср. got. *knôþla* „Erkenntnis“, ahd *irknudilen* „vernehmbar werden“, во внегерманских lit. *zinaú* „kennen, erkennen, einsehen“, altir. ad-géin „cognovit/различил“ (перфект) (см. также *wissen*<skr. *vid* „finden“, lat. *videre* „sehen“, got. *witan* „beobachten“); (б) заглянуть в память языка, хранящей производность интеллектуальных, моральных понятий древнегерманского со времен героических воин, ср. восхождение опытности, разумной отваги к умению ведения боя, умудренному владению боевым оружием: в западногерманском „*kühn*“ к anord. *kœnn* „weise, erfahren“ (*víggœnn* „kämpferfahren“, *kjaldkœnn* „schilderfahren“), aengl. *cēne* „kühn, weise“, engl. *keen* „scharf, erpicht, heftig“ (aengl. *gārcēne* „ger-, speererfahren“, т.е. *mutig im Kampfe erfahren, tüchtig*<germ. **kōnja-* „wer verstehen kann, erfahren, weise“), откуда собственное *Kuonrât* „weisen Rat gebend“; (в) разглядеть зыбкую шаткость границ физического и духовного, о чем свидетельствует возможность первичной идентичности *ie. *gēn(ə)-* „erzeugen, gebären“ и **gēn(ə)-* „erkennen, kennen“, синхронизирующихся с физическим пространством коленного сустава: *ie. *gēnu-*, **gñeu-* „Knie“, что дало рождение существу мыслящему (angls. *cennan* „gebären“ и „kennen“; griech. *gnōtós* (γνώτός) „blutsverwandt“ и „bekannt“, *gígnesthai* (γίγνεσθαι) „werden, entstehen“) [17, с. 204, 220, 209, 409], способному с помощью речи и мысли иллюстрировать варьирование

как объективного мира вокруг себя, так и самого себя (индивида, коллектива), т.е. антропологически моноунифицируемого социокультурно зависимого логиста данной ему истории жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Собачье сердце. Роковые яйца: Роман. Повести/М. А. Булгаков. – М.: Известия, 1994. – 558 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: „Языки русской культуры“, 1999. – 780 с.
3. Дадаева Е. А. Общая характеристика каузативных глаголов/Е.А.Дадаева. – Вестник СибГУТИ, 2011. – №2. – С. 76-81.
4. Иванов В. В. Глоттогенез/Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: „Советская энциклопедия“, 1990. – 682 с.
5. Кошелев А. Д. О структурном и генетическом сходстве лексических и грамматических значений (когнитивный анализ глагольной переходности и залога)/А. Д. Кошелев. – Известия РАН. Серия Литературы и языка, 2016. – Т. 26, №3. – С. 19-39.
6. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография /З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
7. Скокова Т.Н. Релятивность как смыслообразующая категория лингвокогнитивистики: автореф. дис. ... док. филол. наук: спец. 10.02.19 /Т. Н. Скокова. – Белгород, 2015. – 39 с.
8. Таранов П.С. Золотая книга руководителя: научно-популярная литература / П. С. Таранов. – М.: Изд.-торг. дом „Гранд“, 1997. – 478 с.
9. Шустова С.В. Каузативная ситуация// С.В.Шустова. – Филологические науки, 2006. – № 3. – С. 97-101.
10. Duden Etymologie: Das Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache, Band 7. – Dudenverlag: Mannheim, Wien, Zürich, 1963. – 816 S.
11. Duden Bedeutungswörterbuch, 4. neu bearbeitete und erweiterte Auflage: Band 10. – Dudenverlag: Mannheim•Leipzig•Wien•Zürich, 2010. – 1151 S.
12. Duden Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik, 4. Neu bearbeitete und aktualisierte Auflage, Band 11. – Dudenverlag: Berlin, 2013. – 928 S.
13. Duden online [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.duden.de/suchen/dudenonline/name>
14. Gillmann, Melitta Perfektkonstruktionen mit „haben“ und „sein“ – Walter de Gruyter GmbH: Berlin, Boston, 2016. – 334 S.
15. Helbig, G., Buscha, J. Deutsche Grammatik: ein Handbuch für den Ausländerunterricht, 6. unveränderte Auflage/ Gerhard Helbig, Joachim Buscha. – VEB: Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1980. – 629 S.
16. Helbig, G., Schenkel, W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben, 5. unveränderte Auflage/ Gerhard Helbig, Wolfgang Schenkel. – VEB Bibliographisches Institut: Leipzig, 1980. – 458 S.
17. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache – Straßburg, 5. verbesserte Auflage/Friedrich Kluge. – Karl F. Trübner, 1894. – 491 S.
18. Shibatani M. An integrated approach to possessor raising, ethical datives and adversative passives/ Masayoshi Shibatani. – Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, California, 1994. – Pp. 461-487.

Natalia Kulykovska

THE HISTORY OF NAME AND THE NAME OF HISTORY

(BASED ON THE GERMAN CONCEPTUAL LEXICAL ITEMS „GESCHICHTE“ AND „NAME“)

The subject of the analytic research in the article below is focused upon the semantic relationship between two conceptual spaces, which are nominated in German by the lexical items ‘Name’ and ‘Geschichte’. These commonly known concepts are representatives of the world of ideas; when lexicalized, they get involved in the kaleidoscopic relations and configurations that are caused by pragmatic preferences. This initial stage causes the necessity to implement the principle of the composite semantic meaning in life; consequently, the multiple procedural approach is

preferable to interpret intended mental items. The immersion into the interpretative semantic space of the studied items is exercised with the help of etymological sources, definitional analysis and functional-grammatical characteristics, which make it possible to comprise alternative sense-making motivational clues in the natural life of the lexical items and to instrumentalize their transparent intralingual relations. As a part of the study, the semantic similarity in motives of naming units is analyzed from the historical- etymological perspective; the visibility of deterministic peculiarities of the studied items is demonstrated, and their functional correlation on the modern stage of the language evaluation is defined. The syntactic functioning of lexemes as correlatives in possessive and causal relations demonstrates the principle of the language items consumer usage in the anthropological paradigm. The spectrum of advanced guidance of theoretical and practical researches is described by age-dependent, professional, scientific and individual specifics of semantic analyzed concepts.

Key words: concept, functional-grammatical category, causativeness, possessiveness.

Наталья Куликовская

ИСТОРИЯ ИМЕНИ И ИМЯ ИСТОРИИ (НА БАЗЕ ЛЕКСЕМ-НОМИНАНТОВ КОНЦЕПТОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА „GESCHICHTE“ И „NAME“)

Предмет аналитического исследования в представленной статье фокусируется на установлении семантической взаимосвязи двух концептуальных пространств, номинируемых в немецком языке лексемами „Name“ и „Geschichte“. Как известно, понятия являются представителями мира идей, приобретают в процессе лексикализации калейдоскопические отношения и модификации, продиктованные прагматическими предпочтениями. Данная исходная позиция определяет в процессе исследования необходимость следования принципу композициональности семантического описания, а посему и множественный процедурный подход для описания заданных ментальных единиц. Погружение в интерпретационное семантическое пространство исследуемых единиц осуществляется с помощью этимологических источников, дефиниционного анализа и функционально-грамматических характеристик, что позволяет охватить альтернативные смыслообразующие мотивационные нити в органической жизни лексем, инструментализировать их транспарентные внутриязыковые отношения. В ходе проведенного исследования обнаруживается с историко-этимологических позиций семантическое сходство в мотивах номинаций, осуществляется обзор детерминистических свойств исследуемых понятий и устанавливается их функциональная корреляция на современном этапе развития немецкого языка. Синтаксическая жизнедеятельность лексем в качестве коррелятов посессивных и каузативных отношений демонстрирует принцип потребительского применения языкового знака в рамках антропоцентрической парадигмы. Круг перспективных направлений теоретических и практических изысканий очерчивается возрастной, профессиональной, научной и индивидуальной спецификой подвергнутых в пилотном исследовании семантическому анализу понятий.

Ключевые слова: концепт, лексема, этимологический анализ, дефиниционный анализ, каузативность, посессивность, функционально-грамматическая категория.